

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Военно-морская элита России

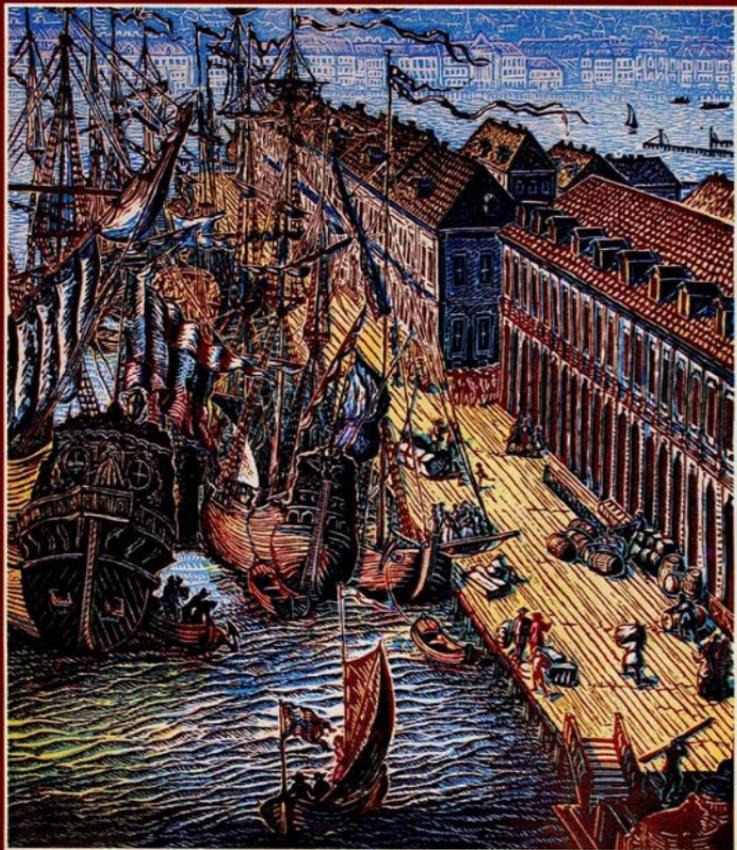
Боевые заслуги
М. Д. Скобелева
в Туркестане

Гусар
А. К. Булатович –
военный советник
негуса Эфиопии

«Война застала нас врасплох...»

«Военно-исторический журнал» – к 300-летию Балтийского флота

Яков Монсей – последний российский архиатр

7

2002

июль

Флот Петра I в Петербурге
Художник В. Э. ВИЗИНА

28 июля – День Военно-Морского Флота

«ЗЛОДЕЙСКОЕ... НАМЕРЕНИЕ К НИСПРОВЕРЖЕНИЮ ВЛАСТЕЙ И ПЕРЕМНЫ ЗАКОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕ РУССКОМ»

О попытках ближайшего окружения императора Николая I «умолчать» об участии матросов Гвардейского экипажа в декабрьском вооруженном восстании на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в 1825 году

ВТЕЧЕНИЕ длительного периода в отечественной историографии было распространено мнение, что роль солдат и матросов в восстании 1825 года ничтожна, что они всего лишь последовали за мятежными офицерами. Таково, например, мнение барона Модеста Корфа¹. Для руководящих кругов Российской Империи такая трактовка событий была выгоднее, нежели признание неспособности сохранить верность войск. В судебных документах², в записях императорского двора³, в полковых историях⁴ мы видим отражение именно этой точки зрения, которая в свою очередь оказала влияние на выводы и отношение к этому вопросу более поздних исследователей.

Документы, имеющие отношение ко времени выступления декабристов, содержат много фактического материала. Остановимся на анализе тех из них, которые выражают точку зрения правительственных кругов на события декабря 1825 года и непосредственно касаются отображения роли солдат и матросов в узаконной акции.

Начнем с одного из самых первых описаний и оценок этого события — с записью, сделанной 14 декабря 1825 года в хранящемся в Российском го-

сударственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге «Журнале камер-фурьерской должности на половине Государя Императора Николая Павловича»⁵. Этот документ, представляющий несомненный интерес для исследователей, никем из них не был проанализирован. Мы впервые вводим его в научный оборот. Документ интересен именно тем, что, будучи составленным в день восстания, не успел еще до конца стать обоснованием позиции правительства, хотя, безусловно, с самого начала рассматривал событие как бунт, что в определенной мере было близко к реальному положению дел. Запись от 14 декабря имеет ряд расхождений с теми утверждениями правящих кругов, которые позже получили всестороннее освещение⁶ и распространение⁷. В первую очередь показана степень подготовленности нижних чинов к выступлению. В журнале написано, что «не минутное только было заблуждение их непокорности лицу, но злодейское, давно уже замышляемое некоторыми намерение к ниспровержению властей и перемены законного правительства в государстве русском»⁸. Документ имеет некоторую неопределенность: слова эти о государственном перевороте могут быть отнесены

как к офицерам-заговорщикам, так и к определенным нижним чинам, которые не вписались в теорию Корфа о том, что солдаты просто не хотели присягать Николаю, так как они уже приняли присягу Константину, а офицеры, воспользовавшись этими настроениями, обманом увлекли их на площадь.

ПОДОБНОЕ утверждение можно найти в «Выписках из очерка истории Гвардейского экипажа», в главе 12 «О происшествии 14 декабря 1825 года»⁹, где говорится, что «нижние чины в целом были покойны», а услышав проникнуть в их казармы Бестужев и еще один лейтенант, имя которого не называется, увлекли матросов на площадь, рассказав о смерти Милорадовича, о Московском и Гренадерском полках и о приезде великого князя Константина¹⁰. Авторы, капитан-лейтенант Лермонтов и адъютант Гвардейского экипажа лейтенант Дудинский, выдвигают предположение о том, что, возможно, если бы заговорщики не проникли в казармы, Гвардейский экипаж вообще не вышел бы на площадь.

Сопоставление двух этих документов дает исследователю возможность проследить эволюцию развития официальной точки зрения.

Неопределенность в отношении вопроса о степени подготовленности нижних чинов в журнале камер-фурьерской должности сменяется четкой позицией в сочинении капитан-лейтенанта Лермонтова и адъютанта Дудинского, отзывы

к которому написал сам М. Корф и которое прекрасно вписывается в его теорию об обманутых солдатах и злостных начальниках, завлекших нижние чины на путь измены государю.

Аналогичным образом меняется подход к оценке вопроса об активности той массы солдат, которая оказалась-таки на площади. Журнал сообщает, что «бунтующие, упорствуя в своем преднамеренном действии», несмотря ни на какие уговоры, «не пришли в раскаяние, стреляли в убеждающих их из ружей и пистолетов»¹¹. Нет сомнения, что из ружей стреляли нижние чины. И опять замечание в журнале не соответствует желанию видеть в солдатах безропотное орудие мятежных офицеров. Хотя цитируемую запись можно трактовать и по-другому: это утверждение необходимо было для оправдания тех выстрелов со стороны правительственных войск, которые оборвали жизни многих солдат и матросов. В таком случае возникает вопрос, зачем делать подобную запись в документе, который был предназначен для узкого круга людей, и без того знавших о реальном положении дел? Мы рискуем сделать предположение о том, что, возможно, это был шаг, рассчитанный на будущее, когда приведенные выше обоснования превратятся в историческое свидетельство, оправдывающее расправу с мятежниками.

Сочинение же Лермонтова и Дудинского, на наш взгляд, существенно отличается от приведенного выше документа. Главной задачей авторов является подтверждение благонадежности Гвардейского экипажа. Событие 14 декабря они называли не иначе как «присшествие»¹², чем, очевидно, намечеревались представить участие Гвардейского экипажа в выступлении как досадное недоразумение, вызвавшее

Александр I

столько хлопот со стороны командования.

В УКАЗАННОМ сочинении внимание постоянно концентрируется на том факте, что в то время, когда на площади события приближались к кульминации, экипаж находился еще в казармах, а впоследствии, еще до выстрела, вернулся в них. Этим авторы подчеркивают то, что активными участниками восстания матросы не были. Этой же цели служит и описание офицеров и нижних чинов с Петровской площади: они возвращались поодиночке после того как на месте происшествия появился великий князь Константин и призвал всех разойтись. Мы видим, таким образом, что то, что К.В. Чистов на-

зывает русской народной социально-утопической «константиновской легендой»¹³, подпихивалось в определенной степени подобными сочинениями, стремившимися так или иначе обосновать антиниколаевскую направленность отказа от присяги тем, что единственным препятствием этому служила лишь принятая ранее присяга Константину Павловичу и что вторая будет изменой первой.

Мало того, авторы этого очерка утверждают, что те матросы, которые не вернулись в казармы и были арестованы, а потом помещены в крепость, просто побоялись вовремя явиться, страшась гнева командиров.

«По вине и наказание» — именно это утверждение является доказательством выдвигают Лермонтов и Дудинский, указывая, что после похода на Кавказ нижние чины были возвращены в Гвардейский экипаж и беспрепятственно производились в чины. А, следовательно, вина их была минимальной. Здесь же неминуемо возникает вопрос о достоверности этих сведений, поскольку подтверждение им в документах, касающихся Гвардейского экипажа, мы не нашли. Можно предположить, что если описанный факт и имел место, то в Гвардейский экипаж вернулись далеко не все матросы по причине гибели на Кавказе от ран и болезней.

Авторы сочинения утверждают, что батальон вышел на площадь без оружия и патро-

Восстание 14 декабря 1825 года на Сенатской площади
Художник К.И. Кольман

Великий князь
Константин Павлович

нов, и делаем вывод: «Экипаж не заслужил ни упрека, ни названия мятежного, нижние чины были легковверны, не имели злых умыслов мятежа»¹⁴. Что касается оружия и патронов, то сведений, опровергающих утверждение очерков, при работе в архивах мы не нашли. В ведомостях же, где фигурирует утраченное во время событий декабря 1825 года вооружение и полковое имущество, Гвардейский экипаж не упоминается¹⁵. Возможно, что действительно патроны были только у тех, кто был при знамени в момент, когда читался Манифест¹⁶.

В конце 12-й главы очерка отмечается, что уже 17 декабря эскадра снялась с якоря и была отправлена в крейсерство¹⁷. Этот факт объясняет, почему только 4,5—5 проц. от 1100 матросов, присутствовавших на площади, оказались под официальным следствием. Остальные были выявлены и наказаны уже в крейсерстве, по приказу своего командования, без излишней шумихи. Таким образом, и виновные были наказаны, и Гвардейский экипаж не уронил чести в глазах государя и двора, которые только приветствовали такой поворот дел.

Кроме чисто идеологических трактовок, «Очерк истории Гвардейского экипажа» содержит несколько любопытных

моментов. Хотелось бы остановиться подробнее на истории о том, как матросы Гвардейского экипажа спасли жизнь великого князя¹⁸: «Солдаты показали, что родной брат лейтенанта Кюхельбекера целился в великого князя, но матросы Дорофеев, Федоров и Куроптев вышибли из его руки пистолет, а прочие выгнали Кюхельбекера прикладами. Несколько голосов предупредили великого князя об опасности... Эти люди (Дорофеев, Федоров и Куроптев) взяты были его высочеством в число дворовых инвалидов...»¹⁹.

Если рассматривать этот эпизод лишь как составляющую вышеназванного очерка, то трудно увидеть в нем что-либо иное, кроме желания оправдать Гвардейский экипаж, участвовавший в выступлении. Однако стоит немного расширить круг документальных источников и использовать дополнительно, к примеру, «Список нижних чинов Гвардейского экипажа, принявших участие в происшествии 14 декабря 1825 года»²⁰, «Список выключенных из Гвардейского экипажа нижних чинов»²¹, «Обстоятельный список выключенных по происшествию 14 декабря»²², дело «О нижних чинах, участвовавших в возмущении 14 декабря и освобождении некоторых из них, оказавшихся непрячными по сему делу» от 9 января 1826 года²³, как становится ясно, что однозначное истолкование данного факта не представляется возможным.

ПРОАНАЛИЗИРУЕМ сначала все то, что мы можем привести в пользу точки зрения о надуманности эпизода для поддержания чести и престижа Гвардейского экипажа. В очерке нет указания, в кого целился М. Кюхельбекер — в Константина, о котором идет речь в предыдущем повествовании и которого не было на площади, или в Михаила, который находился на месте описываемых событий. Если жертвой мог оказаться Константин, то нет сомнений в том, что вся история

Николай I

выдумана от начала и до конца. Если же в документе говорится все-таки о Михаиле, то сомнительно, что ни в каких других источниках мы не встретим упоминания о подвиге нижних чинов, спасших жизнь брата императора. Ни в одном из упоминавшихся нами списке не удалось обнаружить фамилию Дорофеев. Фамилия Куроптев встретилась нам в трех списках, причем согласно им он был освобожден, но лишь как непрячный по сему делу²⁴. Что касается Федорова, то мы видим следующее. Во всех списках встречаются два Федорова: содержащийся в крепости Никита Федоров и убитый на площади Иван Федоров. Если Куроптев и Н. Федоров имели заслугу перед великим князем, то почему они после 27 декабря, когда составлялся данный документ все еще находились в крепости? Если же речь идет об Иване Федорове, то вполне вероятно, что несуществующий подвиг был приписан убитому матросу. С Дорофеевым сложнее: он мог быть как реально существовавшим лицом, так и выдуманым для завершения картины. Но это лишь рабочая гипотеза, на данный момент не имеющая исчерпывающего документального подтверждения.

С не меньшим успехом можно привести ряд оснований того мнения, что факт спасе-

ния великого князя действительно имел место. Михаил был на площади, пытался увещевать мятежников. М. Кюхельбекер мог сделать попытку воспрепятствовать этому. Вероятность того, что он решил применить оружие, довольно велика, так как подобное произошло в отношении Милорадовича. Матросы, оказавшиеся рядом с декабристом, вполне могли пресечь эту попытку, так как в их понимании Михаил являлся неприкосновенной особой, поскольку принадлежал к императорской фамилии, и его убийство они считали тяжким преступлением, которое необходимо было предотвратить.

Дорофеева могли не включить в списки, так как, как указывалось в очереди, он сразу был переведен в число дворовых инвалидов. Куроптева освободили 9 января 1826 года, и есть сведения, что его исключили из состава Гвардейского экипажа²³, так что вполне вероятно, что он последовал вслед за Дорофеевым. А то, что подобного документа нет в отношении Н. Федорова, может говорить лишь о том, что он либо не обнаружен, либо утерян или уничтожен по истечении определенного срока хранения. Без веских доказательств отдавать предпочтение как той, так и другой точке зрения не представляется возможным. Пока же они обе в равной мере имеют право на существование.

В РГВИА хранится еще один любопытный документ — «Описание происшествия, случившегося 14 декабря 1825 года», написанное 21 декабря 1825 года капитаном Пушиным, лейб-гвардии Измайловского полка подпоручиками Малюшиным, Фомком, Кожевниковым, князем Вадбольским и подписанное генерал-адъютантом Потаповым²⁴. Насколько известно, это сочинение еще не анализировалось.

В настоящем повествовании восставших называют не иначе как шайкой, которая на мирные увещания, и (уже

позже) угрозы ответила стрельбой и спровоцировала залпы четырех орудий со стороны правительственных войск, произвести которые «с душевным прискорбием»²⁵ приказал Николай I. В этом же отрывке указано, что уже сразу после разгона мятежников было арестовано до 500 человек, до полугораста забрано за ночь²⁶. Почему же не все участники выступления были арестованы? Авторы документа объясняют это милосердием Николая, который откликнулся на просьбы о пощаде и помиловании для тех, кто добровольно вернулся в свои казармы, особо отмечая при этом Гвардейский экипаж и Гренадерский полк. Знамена были возвращены мятежным полкам, но перед этим их вновь освятили.

Таким образом, несмотря на некоторые несоответствия в трактовке событий, в целом авторы рассмотренных источников, придерживаются следующих положений: безоружные нижние чины, сбитые с толку пропагандой знаменитых офицеров, которые искусно использовали личную привязанность солдат и матросов к своим командирам, случайно оказались на площади, не имели злых умыслов, но по непонятным причинам стали стрелять по войскам правительства. Этим они спровоцировали ответный удар правительственных войск. Некоторые из мятежных нижних чинов из-за этого несчастного происшествия лишились жизни. Другие же остались верны престолу и государю, спасая жизнь и достоинство представителей императорской семьи.

Однако, несмотря на явное несоответствие рассмотренных выше свидетельств реальной ситуации, сложившейся в гвардейских полках в конце 1825 года, следует иметь в виду, что эти официальные документы представляют собой совокупность ценного фактического материала, который при внимательном изучении поможет решить многие

проблемы, возникающие в ходе исследования событий декабря 1825 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корф М. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1854.

² Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1093, оп. 1, д. 299, л. 1—41; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 36, оп. 4, д. 163, л. 1, 4, 18; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 48, оп. 1, д. 20, л. 50, 78—80.

³ РГИА, ф. 516, оп. 29/1618, л. 23. Журнал камер-фурьерской должности на половине Государя Императора Николая Павловича. 14 декабря 1825 г., л. 406—407.

⁴ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), ф. 935, оп. 2, л. 187 Очерк истории Гвардейского экипажа, л. 9—18.

⁵ Архив музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АМАИВВС), ф. 52, оп. 11/21а, д. 2. Сцены из жизни Московского полка (песа), л. 1—10.

⁶ РГИА, ф. 516, оп. 29/1618, л. 23, д. 406—407.

⁷ Корф М. Указ. соч. С. 26.

⁸ РГИА, ф. 516, оп. 29/1618, л. 23, д. 407.

⁹ РГА ВМФ, ф. 935, оп. 2, д. 187, л. 9—18.

¹⁰ Там же, л. 13.

¹¹ РГИА, ф. 516, оп. 29/1618, л. 23, д. 407.

¹² Там же.

¹³ РГА ВМФ, ф. 935, оп. 2, д. 187, л. 9—18.

¹⁴ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М.: Наука, 1967. С. 196—219.

¹⁵ РГА ВМФ, ф. 935, оп. 2, д. 187, л. 16.

¹⁶ АМАИВВС, ф. 3, оп. 5/9, л. 3, л. 1—7; РГИА, ф. 1093, оп. 21, д. 299, л. 138, 142.

¹⁷ РГА ВМФ, ф. 935, оп. 2, д. 187, л. 11.

¹⁸ Там же, л. 18.

¹⁹ Там же, л. 14.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, ф. 766, оп. 2, д. 167, л. 1.

²² Там же, ф. 212, оп. 8, д. 814, л. 2.

²³ Там же, ф. 935, оп. 1, д. 109, л. 10—68.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 48, оп. 1, д. 33, л. 13.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же; РГА ВМФ, ф. 935, оп. 1, д. 109, л. 57.

²⁷ РГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 283, л. 4—8.

²⁸ Там же, л. 6.

²⁹ Там же, л. 6—7.

А. В. УСАЧЕВА,
кандидат исторических наук
(г. Екатеринбург)